

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лишиной, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 18 (869)

30 марта 1940 г., суббота

Цена 30 коп.

Вчера открылась VI Сессия Верховного Совета СССР.

Сессия заслушала доклад Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова о внешней политике Правительства.

Сессия единогласно одобрила внешнюю политику Правительства.

Шестая Сессия Верховного Совета СССР 1-го созыва

ДОКЛАД О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. МОЛОТОВА на заседании Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 года.

Товарищи депутаты!

Со времени последней сессии Верховного Совета прошло пять месяцев. За этот небольшой период произошли события, имеющие первостепенное значение в развитии международных отношений. В связи с этим необходимо рассмотреть на настоящей сессии Верховного Совета вопросы, относящиеся к нашей внешней политике.

Последние события в международной жизни необходимо рассматривать, прежде всего, в свете войны, начавшейся в Центральной Европе осенью прошлого года. В войне между англо-французским блоком и Германией до сих пор не было крупных сражений, и дело ограничивалось отдельными столкновениями, главным образом на море, а также в воздухе. Известно, однако, что выведенное еще в конце прошлого года стремление Германии к миру было отклонено правительствами Англии и Франции, ввиду чего, с обеих сторон, подготовка к развертыванию войны еще больше усиливается.

Германия, обединившая за последний период до 80 миллионов немцев, поставившая под свое господство некоторые соседние государства, и во многом усиливавшая в военном отношении, стала, как видно, опасным конкурентом главных империалистических герман в Европе — Англии и Франции. Поэтому, под предлогом выполнения своих обязательств перед Польшей, она обозвала войну Германии. Теперь особенно ясно видно, как далеки действительные цели правительства этих двух от интересов защиты распадающейся Польши или Чехо-Словакии. Это видно уже из того, что правительства Англии и Франции провозгласили своими целями в этой войне разгром и расчленение Германии, хотя эти цели перед народами массами все еще приводятся ложными защитами «демократических» стран и «правых народов».

Поскольку Советский Союз не захотел стать пособником Англии и Франции в проведении этой империалистической политики против Германии, враждебность их позиций в отношении Советского Союза еще больше усилилась, нападкою сведя тельствую, насколько глубоки классовые корни враждебной политики империалистов против социалистического государства. Начавшуюся же в Финляндии войну англо-французские империалисты готовы были сделать отправным пунктом для войны против СССР, с использованием в этих целях не только самой Финляндии, но и скандинавских стран — Швеции и Норвегии.

Отношение Советского Союза к развертывающейся в Европе войне известно. Проникнутая миролюбием внешняя политика СССР и здесь была продемонстрирована с полной определенностью. Советский Союз сразу же заявил, что он стоит на позиции нейтралитета и неуклонно проводил эту политику в течение всего истекшего периода.

Круговой поворот к лучшему в отношении Советским Союзом и Германией начал свое выражение в договоре о ненападении, подписанным в августе прошлого года. Эти новые, хорошие советско-германские отношения были проверены на опыте в связи с событиями в бывшей Польше и достаточно показали свою прочность. Предусмотрено еще тогда, осенью прошлого года, развитие экономических отношений получило свою конкретное выражение еще в августовском (1939 г.), а затем в февральском (1940 г.) торговых соглашениях. Товарооборот между Германией и СССР начал увеличиваться на основе взаимной хозяйственной взаимо- и имея основания для дальнейшего его развития.

(Бурные, продолжительные аплодисменты).

Необходимо добавить, что все эти враждебные действия со стороны Англии и Франции показывают, что Советский Союз не предпринимал до них никаких недружелюбных действий в отношении этих стран. Принимаемые же Советским Союзом фантастические планы каких-то походов Красной Армии «на Индию», «на Восток» и т. п. — такая очевидная ложь, что подобной нелепой брехне могут верить только люди, совсем выжившие из ума. (Смех). Дело, конечно, не в этом. Дело, очевидно, в том, что политика нейтралитета, проводимая Советским Союзом, привлекла не по вкусу англо-французским правящим кругам. К тому же нервы у них, видимо, не совсем в порядке. (Смех). Они хотят назвать нам другую политику — политику вражды и войны с Германией, политику, которая могла бы им возможность использовать СССР в империалистических целях. Пора бы этим господам понять, что Советский Союз не был и никогда не будет орудием чужой политики, что СССР всегда проводил и будет проводить свою собственную политику, не считаясь с тем, нравится это господам из других стран или не нравится. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Переходим к финляндскому вопросу. В чем смысл войны, развернувшейся в Финляндии за протяжении последних трех с лишним месяцев? Вы знаете, что смысл этих событий заключался в обеспечении безопасности северо-западных границ Советского Союза, и, прежде всего, в обеспечении безопасности Ленинграда. Из этих переговоров ничего не вышло, ввиду занятой финляндскими представителями нейтралитетной позиции. Решение вопроса перешло на поля войны. Можно с уверенностью сказать, что если бы в отношении Финляндии не было внешних влияний, если бы в отношении Финляндии было меньше подстегательств к враждебной Советскому Союзу политике со стороны некоторых третий государств, то Советский Союз и Финляндия уже осенью прошлого года мирно договорились бы между собой и дело обошлось бы без войны. Но, несмотря на то, что свои военные советские правительство село к минимуму, дело не удалось кончить дипломатически путем.

Теперь, когда военные действия в Финляндии показали, что Финляндия и, прежде всего, Карельский перешеек, была уже к 1939 году превращена в готовый для нападения на Советский Союз, для нападения на Ленинград.

На протяжении октября-ноября месяца прошлого года советским правительством велись переговоры с финляндским правительством о предложениях, осуществление которых в современной, более накалывающейся международной обстановке мы считали совершенно необходимым и неотложным для обеспечения безопасности страны, и, особенно, для безопасности Ленинграда. Из этих переговоров ничего не вышло, ввиду занятой финляндскими представителями нейтралитетной позиции. Решение вопроса перешло на поля войны. Можно с уверенностью сказать, что если бы в отношении Финляндии не было внешних влияний, если бы в отношении Финляндии было меньше подстегательств к враждебной Советскому Союзу политике со стороны некоторых третий государств, то Советский Союз и Финляндия уже осенью прошлого года мирно договорились бы между собой и дело обошлось бы без войны. Но, несмотря на то, что свои военные советские правительство село к минимуму, дело не удалось кончить дипломатически путем.

Теперь, когда военные действия в Финляндии окончились и подписан Мирный Договор между СССР и Финляндской Республикой, надо и можно судить о значении войны в Финляндии на основании неоспоримых фактов. А эти факты говорят сами за себя. Эти факты говорят о том, что поблизости от Ленинграда, на всем Карельском перешеечке, углубляясь на 50—60 километров, финляндские власти соорудили многочисленные и мощные железнодорожные и гранитно-земляные военные укрепления. Число этих укреплений исчисляетя многими сотнями. Эти военные укрепления, особенно железнодорожные сооружения, достигшие значительной военной

стремлением оружием, явили пожевые раны, панектые фибринами в лицо. Некоторые группы были найдены с отрубленными головами и головами не были обнаружены. В отношении похищенных в руки белофиннов женщины-санитарок применялись специальные издевательства и невероятные зверства. В некоторых случаях трупы убитых приставались к деревьям, вверх ногами. Все это варварство и бесчисленные зверства плечами политики финляндской белогвардейцы, стремившиеся разрушить в своем народе ненависть к нашей стране.

Так выглядят лица финских защитников «финляндской цивилизации».

Не трудно видеть, что война в Финляндии была не просто столкновением с финскими войсками, а осложнением с соединенными силами ряда наиболее враждебных Советскому Союзу империалистических стран. Сломив эти соединенные силы врагов, Красная Армия и Красный Флот выиграли новую славную страницу в свою историю и показали, что в нашем народе источник отваги, самоотверженности и героязма неиссякаем.

Большое количество всякой вооружения, посланного Финляндии из других стран только за время войны, достигло, по неполным сведениям: самолетов — не менее 350, артиллерийских орудий до 1.500, свыше 6.000 пулеметов, до 100 тысяч винтовок, 650.000 ручных гранат, 575 пушечных орудий, 300 тысяч гранат, 50 миллионов патронов. Весь этот материал, по заявлениям министра, был самого по себе оружия.

Следует еще упомянуть об участии в финляндской войне Швеции. По сообщениям, обобщенным все шведские газеты, Швеция предоставила в распоряжение Финляндии во время войны против Советского Союза «известное количество самолетов, которые составляли, примерно, одну пятую части всех тяжелых шведских пехотных военно-воздушных сил». По заявлению шведского военного министра финны получили из Швеции 84.000 винтовок, 575 пушечных орудий, 300 тысяч гранат, 50 миллионов патронов. Весь этот материал, по заявлению министра, был самого по себе оружия.

Следует еще упомянуть об участии в финляндской войне Италии. Больше того, они фактически санкционировали этот захват Албании, состоявшийся членом Лиги Наций. И что же? Выступили ли Англия и Франция в защиту Албании, только что послала в Финляндию ультрасовременные бомбардировщики? Даладье заявил, что «с 26 февраля экспедиционный корпус французских войск снаряжен и подготовлен. Значительное количество сухов готово отправиться из двух крупных портов Франции и Атлантического побережья». Даладье заявил также, что союзники «придут на помощь Финляндии в самое ближайшее время».

Эти враждебные Советскому Союзу заявления Даладье говорят сами за себя. Однако, нет нужды останавливаться на этих враждебных заявлениях, поскольку в них, видимо, уже нет в полной мере трезвого хода мыслей. (Веселое оживление в зале).

Следует еще упомянуть об участии в финляндской войне Швеции. По сообщениям, обобщенным все шведские газеты, Швеция предоставила в распоряжение Финляндии во время войны против Советского Союза «известное количество самолетов, которые составляли, примерно, одну пятую части всех тяжелых шведских пехотных военно-воздушных сил». По заявлению шведского военного министра финны получили из Швеции 84.000 винтовок, 575 пушечных орудий, 300 тысяч гранат, 50 миллионов патронов. Весь этот материал, по заявлению министра, был самого по себе оружия.

Следует еще упомянуть об участии в финляндской войне Италии. Больше того, они фактически санкционировали этот захват Албании, состоявшийся членом Лиги Наций. И что же? Выступили ли Англия и Франция в защиту Албании, только что послала в Финляндию 50 военных самолетов.

Военная помощь Финляндии пала также из столь преданных «миролюбию» Скандинавии, Штатов Америки, (общий скандинавизм).

Общее количество всякого вооружения, посланного Финляндии из других стран только за время войны, достигло, по неполным сведениям: самолетов — не менее 350, артиллерийских орудий до 1.500, свыше 6.000 пулеметов, до 100 тысяч винтовок, 650.000 ручных гранат, 2.500.000 снарядов, 160.000.000 патронов и еще многое другое.

Нет нужны приводить другие факты, подтверждающие, что в Финляндии дело не было просто столкновением с финскими войсками, а осложнением с враждебными силами ряда других стран, существующих, так называемые, нормальные гимнодемократические отношения. В то время руководящим буржуазным газетам, и даже забегающим вперед, выступают с речами ложи из лажевской, устроенной теперев в каждом «порядочном» буржуазном государстве, для «социалистов» из Швеции. Этими в Азии, типа Блома в Финляндии, которые также осуществляют настичь разрывания и дальнейшего расширения войны. В выступлениях англо-французской империалистической прессы и этих «социалистических» почтоголов слышится голос того же автора империализма, ненавидящего социалистическое государство, который нам знаком с первых дней существования Советского Союза. Еще 17 апреля 1919 года английский «Таймс» писал:

«Если мы посмотрим на карту, то мы найдем, что лучшим поступком в Петрограду является Балтика и что кратчайший и наиболее легкий путь к нему лежит через Финляндию, границы которой находятся всего в каких-нибудь 30 милях от столицы России. Финляндия — это ключ к Петрограду, а Петроград — это ключ к Москве».

Если нужны были какие-либо доказательства того, что английские и французские империалисты не рассстались до сих пор с таким русским сумасбройным планами, то после последних событий в Финляндии всякие несомнности на этот счет устраниены.

Соответствующие планы вновь зорвались не по недостатку усердия антисоветских сил в Англии и Франции и не просто потому, что в последний момент руководящие круги Финляндии, а также Швеции и Норвегии, привыкли, известное блогородство. Эти планы сорвались благодаря блестящим успехам Красной Армии, особенно, на Карельском перешейке (аплодисменты).

Война в Финляндии потребовала, как от нас, так и от финнов больших жертв. По подсчетам нашего Генерального Штаба на нашей стороне количество убитых и умерших от ран составляет 48.745 человек, то есть немногим меньше 49 тысяч человек, количество раненых — 158.863 человека. С финской стороны делаются попытки преувеличить их жертвы, но жертвы финнов значительно больше наших. По минимальным подсчетам нашего Генерального Штаба в Финляндии количество убитых достигает не менее 60 тысяч, не считая умерших от ран, а количество раненых не менее 250.000 человек. Таким образом, исходя из того, что численность финской армии составляет не менее 600 тысяч человек, нужно признать, что финская армия потеряла убитыми и ранеными более половины своего состава.

Таковы факты.

Остается вопрос, почему все же правящие круги Англии и Франции, а также некоторых других стран так активно участвовали в этой войне на стороне Финляндии против Советского Союза. Известно, что правительства Англии и Франции предпринимали отчаянные усилия, чтобы помешать окончанию войны и восстановлению мира в Финляндии, хотя они не связывали никакими обязательствами по отношению к Финляндии. Известно также, что в свое время даже при наличии пакта взаимопомощи между Финляндией и Чехо-Словакией, Франция не пыталась на помощь.

Финляндия, а Финляндия потому называли свою военную помощь как Финляндия, так и Англия, чтобы только помешать окончанию войны и восстановлению мира в Финляндии, хотя они не связывали никакими обязательствами по отношению к Финляндии. Известно также, что в своем членстве в Народном Правительстве Финляндии, чтобы узреть его мнение по этому вопросу, мы обратились к Народному Правительству Финляндии, чтобы узреть его мнение по этому вопросу. Народное Правительство высказалось за то, чтобы в целях прекращения кровопролития и облегчения положения финского народа, следовало бы пойти на встречу предложению об окончании войны. Тогда нам были выслушаны условия, которые вскоре были приняты финляндским правительством. Я должен добавить, что через неделю после начала переговоров с финнами со стороны английского правительства было также выражено желание выяснить возможность посредничества британской стороны в Финляндии (смех), но когда мы обясняли эту политику Англии и Франции особой заботой об интересах малого государства просто смешно. Объяснять ее обязалось.

Окончание доклада см. на 2 стр.

Доклад о внешней политике Правительства

Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. МОЛОТОВА на заседании

Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 года.

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 1 СТР.

предложенных, впоследствии целиком принятых Финляндией, то англическое правительство не захотело действовать окончанием войны и восстановлению мира между СССР и Финляндией. Тем не менее, соглашение между СССР и Финляндией вскоре состоялось. Результаты соглашения о прекращении военных действий и об установлении мира ханы в Мирном Договоре, подписанном 12 марта. В связи с этим встал вопрос о самороспуске Народного Правительства, что им и было осуществлено.

Выяснились условия установленного Мирного Договора. Согласно этому Договору произошло изменение южной и частично восточной границ Финляндии. Весь Карельский перешеек, вместе с Выборгом в Выборгском заливе, все западное и северное побережье Ладожского озера, вместе с Кексгольмом в Сортавале, перешел Советскому Союзу. В районе Кандалакши, где граница Финляндии особенно близко подходила к Мурманской железной дороге, произошел отрывок границы. К Советскому Союзу отошли приналежавшие Финляндии небольшие части полуостровов Средний и Рыбачий — на севере, а в Финском заливе известная группа островов, вместе с островом Гогланда. Кроме того, сроком на 30 лет к Советскому Союзу в порядке аренды, с ежегодной уплатой Советским Союзом 8 миллионов финских марок, перешел полуостров Ханко с прилегающими к нему островами, где будет сооружена национально-морская база для обороны от агрессии врага в Финском заливе. Договор, кроме того, облегчает возможность транзита товаров для Швеции, Норвегии и Советского Союза. Вместе с тем, Мирный Договор предусматривает взаимное возложение от всякой нападения друг на друга и неучастие враждебных друг другу коалиций.

В англо-французской прессе делались попытки изобразить советско-финляндский Договор и в частности, переход Карельского перешеек к Советскому Союзу, как «сунническое» независимости Финляндии. Это, конечно, ликость и пустая брехня! Финляндия предстает и теперь территориально почти в четыре раза большую, чем Финляндия, в восемь раз крупнее, чем Швеция. Если никто не сомневается в том, что Финляндия является независимой и суверенной?

В той же англо-французской прессе писали, что Советский Союз будто бы хочет превратить Финляндию только лишь в балтийское государство. Разумеется, и это глупость. Достаточно указать на то, что СССР, занят во время войны прилегающим к Ладожскому озеру Петрозаводском, добровольно вновь вернул этот район Финляндии, так как считал необходимым предоставить Финляндии несокрушимый окончательный порт. Из этого следует, что мы считаем Финляндию не только балтийской, но и северной страной.

Заключение Мирного Договора с Финляндией завершает выполнение задачи, поставленной в прошлом году, по обеспечению безопасности Советского Союза со стороны Балтийского моря. Этот Договор является необходимым дополнением к тем договорам о взаимопомощи, заключенным с Эстонией, Латвией и Литвой. На основании полугодового опыта, прошедшего со времени заключения этих договоров о взаимопомощи, можно сделать вполне определенные положительные выводы о договорах с Прибалтикой. Следует признать, что договора Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой способствовали упрочению международных позиций как Советского Союза, так и Эстонии, Латвии и Литвы. Вопреки запугиваниям, которым занимались враждебные Советскому Союзу силы, мы не считали необходимым предоставить Финляндии несокрушимый окончательно большее значение для нашей внешней политики и вообще для связи Советского Союза с другими странами. Никаких других целей, кроме обеспечения безопасности Ленинграда, Мурманска и Мурманской железной дороги, мы не ставили в Мирном Договоре. Но зато это замысел мы считали необходимым решить наядным, противным образом. Мирный Договор исходит из признания принципа государственной независимости Финляндии, из признания самостоятельности ее внешней и внутренней политики и, вместе с тем, из необходимости обеспечения безопасности Ленинграда и северо-западных границ Советского Союза.

Таким образом, цель, поставленная национальностью, и мы можем выразить полное удовлетворение Договором с Финляндией. (Аплодисменты). Из упомянутых многою южных соседних государств у нас нет пока военная агрессии с Финляндией. Это обясняется наличием перенесенного спорного вопроса, вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признает, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем. Поэтому нет никаких оснований в

каком-либо ухудшению и Советско-Румынских отношений. Правда, у нас в течение длительного времени нет полноценного представителя в Румынии и его обязанности выполняет поверенный в делах. Но это вызвано специфическими обстоятельствами прошлого прошлого. Если касаться этого вопроса, то приходится вспоминать на счет неблаговидной роли румынских властей в 1938 г. в отношении исполненного в то время обязанностей советского посланника в Румынии — Бутенеко. Как известно, этот последний каким-то образом тайно ушел тогда из-под неподства, но и из Румынии, и советскому правительству так и не удалось ничего достоверного установить об этом исчезновении, причем мы будто бы должны поверить, что нынешние румынские власти не имели отношения к этому скандально-преступному делу. Нечего говорить, что в цивилизованном государстве, в которое противоречило бы всему Мирному Договору, прочь определенному советско-финляндской границы. Верность этому Договору несомненна с участием Финляндии в каком-либо военно-реваншистском союзе против СССР. Участие же Швеции и Норвегии в таком союзе означало бы отказ этих стран от проводимой ими политики нейтралитета и переход их к новой внешней политике, из чего Советский Союз не мог бы не сделать своих соответствующих выводов.

В свою очередь, правительство считает, что у Советского Союза нет спорных вопросов со Швецией и Норвегией и что советско-шведские и советско-норвежские отношения должны развиваться на основе дружбы. Распространяющиеся же в антишведских целях слухи о том, что Советский Союз будто бы требует портов на западном побережье Скандинавии, что претендует на Нарвик и т. п., — такая ликость, что это не нуждается и в опровержении. Страны же господ «социалистов», вроде Хегелунда в Швеции и Транрема в Норвегии, портят отношения этих стран с Советским Союзом надо заключить как дело злобных врагов рабочего класса, купленных иностранными капиталистами и предающих интересы своего народа.

Заключение Мирного Договора с Финляндией завершает выполнение задачи, поставленной в прошлом году, по обеспечению безопасности Советского Союза со стороны Балтийского моря. Этот Договор является необходимым дополнением к тем договорам о взаимопомощи, заключенным с Эстонией, Латвией и Литвой. На основании полугодового опыта, прошедшего со времени заключения этих договоров о взаимопомощи, можно сделать вполне определенные положительные выводы о договорах с Прибалтикой. Следует признать, что договора Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой способствовали упрочению международных позиций как Советского Союза, так и Эстонии, Латвии и Литвы. Вопреки запугиваниям, которым занимались враждебные Советскому Союзу силы, мы не считаем Финляндию не только балтийской, но и северной страной.

В связи с Японией, скажу два слова о одному, так сказать, не деловом вопросе — «веселое оживление в зале». Нынешний один из депутатов японского парламента задал своему правительству такой вопрос: «Не следует ли обдумывать, как коренным образом покончить с конфликтами между СССР и Японией, например, посредством покупки Приморья и других территорий?» (Взрыв смеха). Задавший этот вопрос японский депутат, интересующийся покупкой советских территорий, которые не продаются, не продает и не хочет продавать. (Смех, аплодисменты). Но своим глупым вопросом он, по моему, не понимает авторитета своего парламента. (Смех). Однако, если в японском парламенте так сильно увеличатся торговли, не заставлять ли депутатов этого парламента продажей южного Сахалина? (Смех, продолжительные аплодисменты). Я не сомневаюсь, что в СССР нашлись бы покупатели. (Смех, аплодисменты).

Что касается наших отношений с Соединенными Штатами Америки, то они за последние время не улучшились и, пожалуй, не ухудшились, если не считать так называемого «мирового эмбарго» против СССР, лишенного какого-либо смысла, особенно после заключения мира между СССР и Финляндией. Наш импорт из США увеличился в сравнении с прошлым годом. Он мог бы еще больше увеличиться, если бы американские власти не чинили препятствий.

Такова в целом международная обстановка связи с событиями за период последних шести месяцев.

Из всего сказанного выше видно, в чем мы видим главные задачи нашей внешней политики в данной международной обстановке.

Коротко говоря, задачи нашей внешней политики заключаются в том, чтобы обеспечить мир между народами и безопасность нашей страны. Выводом из этого является — позиция нейтралитета и неучастие в войне между крупнейшими державами Европы. Эта позиция основана на заключении наших отношений с Турцией и Ираном, то есть она определяется существующими между нами договорами о ненападении и неуклонном стремлении Советского Союза к выполнению вытекающих из этого взаимных обязательств. Наша общность с Ираном в хозяйственной области урегулирована только что заключенным Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве.

Подводя итоги последнего периода, мы видим, что в деле обеспечения безопасности нашей страны мы сделали за это время немалые успехи. Это и бесит наших врагов. Мы же, веря в свое дело и в свои силы, со всей последовательностью будем продолжать нашу внешнюю политику неуклонно и дальше.

(Бурные, продолжительные аплодисменты всего зала. Депутаты встают).

О заседаниях Шестой Сессии Верховного Совета ССР

31 марта, в 6 часов вечера, в зале заседаний Верховного Совета ССР, в Кремле, состоялось совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О заседании Совета Союза 29 марта 1940 года

Вчера, 29 марта, в 2 часа дня, в зале заседаний Верховного Совета ССР, в Кремле, состоялось открытие Шестой Сессии Совета Союза.

Сессию открывает Председатель Совета Союза депутат Андреев А. А.

Товарищ Андреев А. А. представляет слово депутату Алемасову А. М. Депутат Алемасов сообщает, что депутаты от Узбекской ССР поставили вопрос об освобождении Сагизбека от обязанностей заместителя Председателя Совета Союза в связи с тем, что в настоящее время он не работает в Узбекской ССР. От Совета Ставрополья Совета Союза депутат Алемасов вносит предложение освободить от обязанностей заместителя Председателя Совета Союза Сагизбека.

2. Никаких оснований для кассирования выборов, а также никаких жалоб и заявлений о нарушениях Конституции ССР и Положения о выборах по каким-либо избирательным округам при выборах депутатов Совета Союза от западных областей Узбекской ССР и Белорусской ССР.

3. Утверждение Государственного Бюджета ССР на 1940 год и утверждение отчета об исполнении Государственного Бюджета ССР за 1938 год.

4. Внесение Сагизбеком ССР в Государственный Бюджет ССР на 1940 год и утверждение отчета об исполнении Государственного Бюджета ССР за 1938 год.

5. Утверждение Государственного Бюджета ССР на 1940 год и утверждение отчета об исполнении Государственного Бюджета ССР за 1938 год.

6. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за первую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

7. Утверждение Государственного Бюджета ССР на 1940 год и утверждение отчета об исполнении Государственного Бюджета ССР за 1938 год.

8. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за вторую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

9. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за третью сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

10. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за четвертую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

11. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за пятую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

12. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за шестую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

13. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за седьмую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

14. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за восьмую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

15. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за девятую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

16. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за десятую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

17. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за одиннадцатую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

18. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за двенадцатую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

19. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за тринадцатую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

20. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за четырнадцатую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

21. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за пятнадцатую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

22. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за шестнадцатую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

23. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за семнадцатую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

24. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за восемнадцатую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

25. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за девятнадцатую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

26. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за двадцатую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

27. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за двадцать первую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

28. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за двадцать вторую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

29. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за двадцать третью сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

30. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за двадцать четвертую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

31. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за двадцать пятую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

32. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за двадцать шестую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

33. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за двадцать седьмую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

34. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за двадцать восьмую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

35. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за двадцать девятую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

36. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета ССР, принятых за двадцатую сессию и подлежащих утверждению Верховного Совета ССР.

37. Утверждение Указов Президиума Верховного Совет

Мысли об одной поэме

«Педагогическая поэма» не повесть, не роман, не эпопея.

Трудности определения ее в том, что поэма — новое явление в нашей литературе: такая книга обязана своим бытием революции.

«Педагогическая поэма» — это то, чем должна быть всякая книга: она — поступок, вмешательство в жизнь. Странствуя среди людей, книга меняет их (должна менять), а они — меняют жизнь.

Поэма эта — начало нового литературистического эха, и вот главнейшие элементы, из которых слагается этот новый эх: очерк, дневник, хроника, повесть, исследование, публицистика, роман...

В поэме три действующих лица: коллектива отдельных персонажей и Антон Семенович Макаренко.

Коллектив или как живая ткань и коллектива слышан все время.

Он обернется то горячий народовластной повадкой, то занески запорожским юмором Ланти, то простирает чуткой улыбкой Задорова, то грациозным движением Зоряни, Тоскы...

С персонажами связывается, как со знакомыми.

А Макаренко? Макаренко так же опущен и неопущен в книге, как дирижер симфонического оркестра. Автор прятает себя, но автору не удается это, и все время, все время перед глазами этот удивительный человек.

*

Нужна книга об Антоне Семеновиче Макаренко.

В ней будет рассказано о больших страданиях этого человека, страданиях, которые он страхивал с себя вкопие копьев новым движением своей творческой души.

Но и радоваться же умел этот человек, — умной радостью человека, узнавшего пути жизни.

Книга эта расскажет о том, что победа всегда приходит к тому, кто к жизни подходит творчески.

Макаренко видел путь к коммунизму, видел коммунизм, и никто не будет спорить против того, что он называет свою систему воспитания советской и коммунистической.

*

Колонист Чобот повесился. Идеалом его жизни было: любое крестьянское хозяйство, орнаментированное женой-хозяйкой, — Наташа и... все. С Наташей не вышло. Ильин Константин Жизнь? Да ее просто не было. Колонисты реагировали на самоубийство так:

«Громом жил, грохотом и помер, от жалости номер».

«Я бы таких как Чобот, сам вешал бы».

«У Чобота все равно никакой жизни не было. Чобот не человек, а раб».

Это жестоко так говорить? Не жестоко. Но мелено и не один раз перечитать «Поэму», чтобы понять, что жестокости нет мест.

Быть несчастным недостойно человека.

И Чобот не то, что не жалко, но неизвестно, во имя чего его жалеют.

*

Урок, который вынес Макаренко из драмы Чобота, не остался бесследным. Надо еще больше расширять перспективы колонистской жизни, не допускать остановки в жизни коллектива, показать ему, что жизнь бескрайна, но не в линиях личных путей, которые яныцы, случайны и легче всего в мещанском быту формулируются в виде заботы «о будущем куске хлеба, об этой хватленной квалификации».

«Нет, я твердо верю, что для мальчиков в 16 лет нашей советской жизни самой дорогой квалификацией является квалификация борца и человека».

В жизни есть за что бороться.

То, что у многих из нас может быть театральным представлением, допущенным или, пожалеи, твердым знанием, то у

Валерян ЗАХАРЖЕВСКИЙ

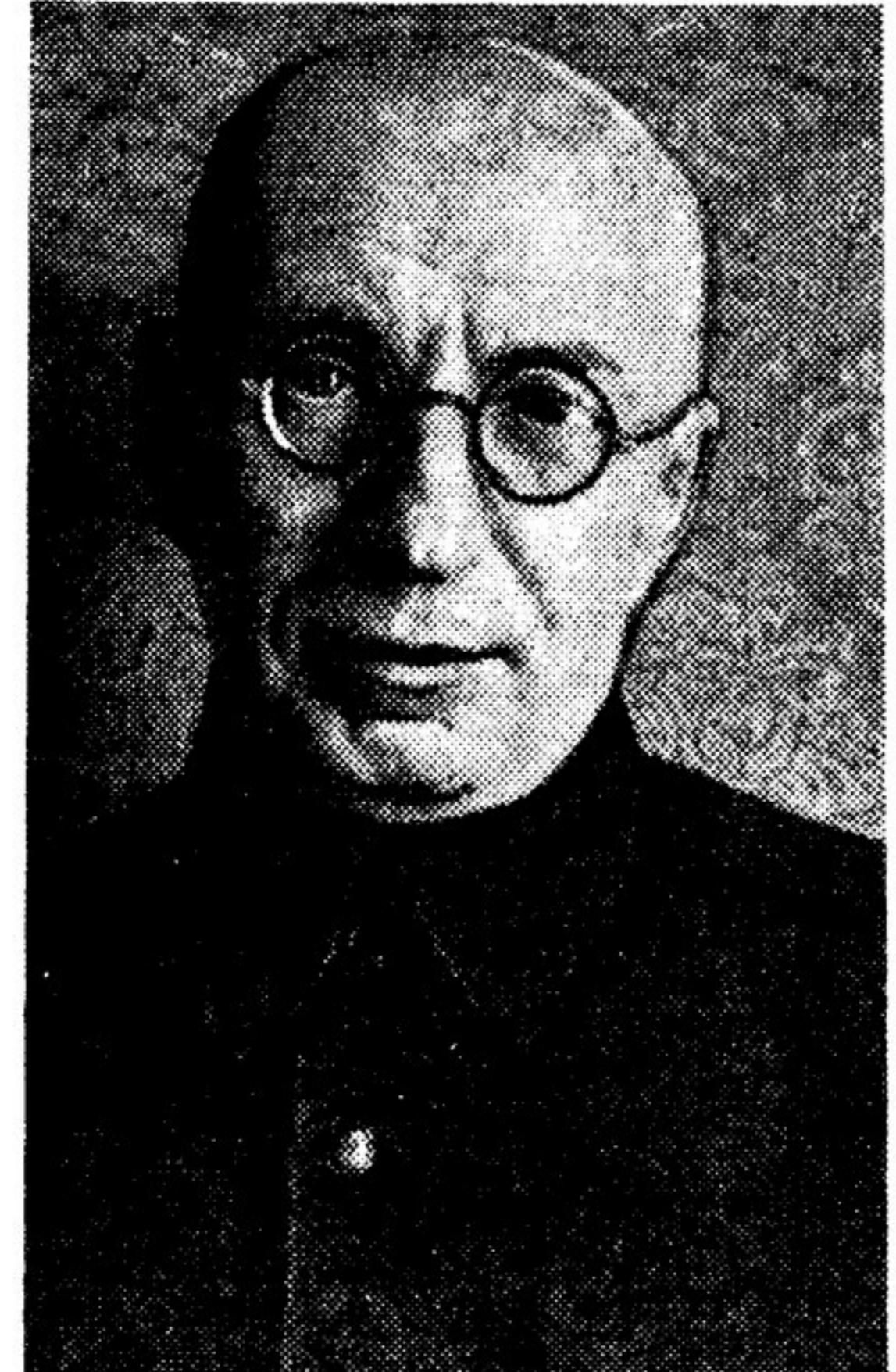
Макаренко было самым живым прощением.

*

Он учит о безмерном богатстве жизни, о градиентах перспектив — от простейших и еще личных до огромных — исторических, всечеловеческих.

О «науке счастья» говорят эта книга, нежная, умная, веселая, задорная, шумная, неутомимая.

Потому она и «Поэма».

А. С. МАКАРЕНКО.
К годовщине со дня смерти

Один критик со скучной проницай пишет, что Макаренко все ходит и делает красивы. За этой иронией — неуважение к поэзии в выдуманно-концепционном типаже.

Колонист Галатенко в начале книги глуповатый лентяй и обжора с малозначительным лицом. Но вот проходит год три и Макаренко наблюдает Галатенко:

«Огнью у тебя, Галатенко, такая же музыкальная, открыта улыбка? Где ты даст тот хороший мускул, который грациозно морщит твоё нижнее веко, тем что слизал глаза — бриллиант, яйтиский лаком или ключевойвой?»

Еще неизвестно, что такое человеческая красота, но известно, что сознание, вспыхнувшее новым огнем, немедленно простиупит на лице удивительной и недавней красотой.

Наверно, лицо какого-нибудь Галатенко, Бурна или Зорена прекраснее лица Адениса или Гашимова, когда Бурна или Зорень побежают в трущобах, презирая колективом, — спасают ли

Иногда Антон Семенович среди взрослых казался единственный взрослым среди... детей. Тогда он умел мотыл, тогда он чаще улыбался с оттенком горечи.

Редко кто читал «Педагогическую поэму» один раз. Ее перечитывают, и это знак ее высокого значения.

Мне неизвестен процент удачных, малоизвестных судеб из числа «актеров» концепций детей, но я не был удивлен, если бы он оказался более высоким, нежели в условиях общих, обычных.

И это я обяснял бы тем, что эти люди вышли из очень умного, очень слаженного коллектива; тем, что у каждого колониста есть чувство победителя (на собственных прошлом) и, наконец, у всех поэтическому пониженное представление о ценности жизни.

Каждый из нас в жизни встретит «горьковцев», «дзерминцев», и все они будут смеяться, когда услышат это имя: Антон Семенович.

Поэма продолжается.

Ее четвертая часть — наша жизнь.

И. Сколько в книге сказано — столько и рассказано.

III. Сказано мало — рассказано много.

Автору книги первого типа мы отомстим тем, что недоценим его книгу до конца.

Книгу автора второго типа мы прочитаем один раз и не часто будем вспоминать о ней.

Книги третьего типа — неотъемлемы от жизни: они либо сама жизнь, либо особое ее проявление.

«Педагогическая поэма» богата не только тем именным материалом, который звучит в неподражаемых авторских высказываниях: она зовет к новым широким размышлениям, она в скрытом виде несет огромный идейный материал, который каждый читатель получит в меру своей интеллектуальной реактивности.

*

В 3-й части «Поэмы» приведены характеристики ряда колонистов. Эти характеристики — образец социально-литературного анализа, они точны, деловиты и очень художественны. Такие характеристики умеют бывать каждым из нас: педагогу, врачу, юристу, администратору, военному... Они помогут бы строить деятельности и гармонический коллектив.

Знать, что переживает другой; знать, как переживает другой и жить этим переживанием.

Доходило до нас слухи о тяжелой и неудачной его карьере, об одиноком его учительском демократизме, но сам он никогда о себе не говорил. Мы в то время еще не вполне ясно различали за его фигуру грубы тени революционных демократов, страстных патриотов своей родины — Чернышевского, Добролюбова, Некрасова.

Старик читал всегда стоя за кафедрой, прелюбопытно прости, тощую речь, в которой редко встречалась открытое горячее слово. Но зато в его мимике было столько эмоций и правды, столько ума, то восхищенного, то осуждающего, то сомневающегося, то столько сдерживаемой силы души, что мы неспособны были оторваться от его лица. Читая нам, он сам жил горячо и глубоко, хотя и не хотел показывать и сдерживаться, может быть, еще и потому, что уже сорок лет читал он литературу юноши, и уже никого было ему волновать перед нами.

Но все-таки мы два раза видели, как он плакал во время лекции. Первый раз было, когда он говорил о «Лесе» про купца Калашникова, но тогда он плакал скромно и старчески, а перед его старческой слезой, и мы одновременно преклонились и перед силой «Слов». Он умел так рассказывать о нем, что его слезы глубоко волновали нас.

Старик читал всегда стоя за кафедрой, прелюбопытно прости, тощую речь, в которой редко встречалась открытое горячее слово. Но зато в его мимике было столько эмоций и правды, столько ума, то восхищенного, то осуждающего, то сомневающегося, то столько сдерживаемой силы души, что мы неспособны были оторваться от его лица. Читая нам, он сам жил горячо и глубоко, хотя и не хотел показывать и сдерживаться, может быть, еще и потому, что уже сорок лет читал он литературу юноши, и уже никого было ему волновать перед нами.

И в другой раз, и в третий, и каждый раз, когда я встречалась с людьми, которых я зову горячими, открытыми улыбками, и говорили об Антоне Семеновиче.

Лейтенант Г. был в коммюне Дзержинского. Он говорил:

— У этого человека, у Антона Семеновича, была такая трупина, такая радостная жизнь. У Антона Семеновича...

И сияние: в глазах, улыбке, в голосе.

*

У Макаренко была умная и немного горькая улыбка, и он был взросле всех с кем жил и работал.

О каждом Макаренко знал больше и двери, чем каждый о себе и другие о нем.

Иногда Антон Семенович среди взрослых казался единственным взрослым среди... детей. Тогда он умел мотыл, тогда он чаще улыбался с оттенком горечи.

*

Протягива последняя страница «Поэмы», и вот поэма продолжается: вы встречаешь в жизни Карабанова, Задорова, Вершнова и многих, многих других.

Мне неизвестен процент удачных, малоизвестных судеб из числа «актеров» концепций детей, но я не был удивлен, если бы он оказался более высоким, нежели в условиях общих, обычных.

И это я обяснял бы тем, что эти люди вышли из очень умного, очень слаженного коллектива; тем, что у каждого колониста есть чувство победителя (на собственных прошлом) и, наконец, у всех поэтическому пониженное представление о ценности жизни.

Каждый из нас в жизни встретит «горьковцев», «дзерминцев», и все они будут смеяться, когда услышат это имя: Антон Семенович.

Поэма продолжается.

Ее четвертая часть — наша жизнь.

А. МАКАРЕНКО

Преподаватель словесности

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ

С юношеских лет дней отдала я — столько и рассказано.

III. Сказано мало — рассказано много.

Автору книги первого типа мы отомстим тем, что недоценим его книгу до конца.

Книгу автора второго типа мы прочитаем один раз и не часто будем вспоминать о ней.

Книги третьего типа — неотъемлемы от жизни: они либо сама жизнь, либо особое ее проявление.

«Педагогическая поэма» богата не только тем именным материалом, который звучит в неподражаемых авторских высказываниях: она зовет к новым широким размышлениям, она в скрытом виде несет огромный идейный материал, который каждый читатель получит в меру своей интеллектуальной реактивности.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Было это предложение для читателя, который не знал, что это такое.

Следы легенд

И. ГРИНБЕРГ

Нашей критике еще предстоит изгладить в памяти читателя следы некоторых легенд о Маяковском. «Легенды эти создавались иногда людьми ошибавшимися, иногда — врагами. Создатели легенд искали мысли Маяковского, «не понимающие» поэтической остроты некоторых высказываний этого поэта. Самая распространенная и в то же время самая ложная легенда — это легенда о ненависти Маяковского к классикам и легенда о его «аппликации». Более того пытались изобразить «инс-первергателем Пушкина и Толстого», отталкиваясь от классического наследства.

Маяковский не раз и не два возвращался в этом случае, разоблачая фальшивую легенду. В частности, свою статью «Как делать стихи» он начинает с определения своего отношения к классической поэзии. И здесь он подчеркивает: «Надоборот, синий машины, громы и вороньи памятники мы показывали читателям Великих с совершенно неизвестной, неизученной стороны». «С поэзиями прошлого ругаться не приходится — это наш учебный материал». «Ей попадало только, если ретивые защитники старых прятались от нового искусства за памятниками залы».

В этом последнем фразе Маяковский предельной точностью раскрывает тактику своих врагов. О презрении его к классикам твердили, что боролась против новой поэзии, — реставраторы, антиквары, наконец, прямые ненавистники революционного искусства. Борьбу Маяковского против них они пытались представить как невзажение к классикам.

Точку также подставка лежала в основе разговоров об антиличности Маяковского. И здесь борьба со старой лирикой выдавалась за борьбу против лирики вообще.

25 марта 1930 года в Доме комсомола Красной Пресни на литературном вечере, посвященном 20-летию работы В. В. Маяковского, поэт говорил: «Почему я должен писать о любви Маяк к Петру, а не рассмотривать себя как часть того государства, которое строит жизнь?»

Разумеется, Маяковский здесь и не думал противопоставлять «личные темы» темам государственных». Мы ведь отлично помним, какие прекрасные образы лирической лирики оставил он нам. Мы помним и то, как добивался он, как боролся за формирование лирики, воплощавшей все многообразие чувств нового, социалистического человека.

Разнообразны души наши.
Для боя гром,
для кровати —
шопот.
подчеркивал Маяковский. И выдвигал лодыжки.
И любви
предумыслы
сотово свое,
из сердца сделанное,
а не из ваты.

Вот против «ватной», «не своей» лирики и выступил Маяковский. И в его гневном воскликании: «Почему я должен...» звучит возмущение поэта, который создал замечательную новую, революционную лирику, в которой «калееки и калеки» пытались судить по старым, обветшившим никчайным канонам.

По этим канонам был Маяковский, начиная с первых своих стихотворений. Гиперболизмы образов, демократическая лексика, резкость «ребячества» фонетики — все это отозвалось не только поэтическими строками «кудроватыми» и «мудриватыми» мандолинщиками, но имело и полемический смысл: было напралено против романской налевости, против «калееки», против «сплатленности» и «инверсионности», против претенциозного, изысканного, против индивидуализма, иных словами, против всех черт отмечавших предреволюционную буржуазную поэзию, поэзии декаданса. Маяковский писал в стихотворении «Братья писатели»:

Господи поэты,
неужели не насмехали
наши?
дворцы,
любовь,
сирены куст вам?
Если
такие, как вы —
творцы —
мы наплевать на всякое искусство.

До октября 1917 г. Маяковский выступил как разрушитель, после него он, есте-

ственно, стал строителем, созидающим. И с этих позиций он попрежнему громил всех, кто пытался из искусства сделать себе убежище от революционной современности. Снова и снова его сатиры настигали футуристов, имажинистов, акмеистов, запутавшихся в наутике рифм, упорно не желающих видеть важность и величие задач, поставленных перед поэзией эпохи.

Маяковский очень остро чувствовал опасность ненависти, изношенностии, энгию. Он очищал от них поэзию, под каким бы «новаторским» маской ни появлялся они.

Задолго до того, как Маяковский создал формулу: поэт — народ, волитель и одновременно — народный слух, он руководствовался ею: «Приказ № 2 армии искусства»: «кощается совершенно точным практическим заданием, адресованным работникам искусства: надо создать новое искусство, «такое, чтобы въвзвольно распустили».

Хочется остановиться на одном пункте, имеющем особо злободневный интерес. Мы имеем в виду проблему так называемого «новаторства».

По сути дела вопрос о новаторстве как об особом «новаторском участке», что ли, где производятся эксперименты, которые в случае удачного исхода оцениваются массовым распространением, вопрос этот и не стоял перед Маяковским. Он был наоборот в каждом своем стихе. Он шел все время вперед, он находил все новые и новые способы выражения, он оставлял одни приемы и методы для того, чтобы овладеть другими в соответствии с теми задачами, которые выдвигались перед ним жизнью, страной. Сравните две поэмы, воспевающие революцию — «150 000 000» и «Хоронь», и вы увидите, как решительно переворачивается поэт, как перешел от аллегорической, условной — к античной изобразительности в первой части «Хоронь», к «прощай» лирике — во второй половине. Это были созидающая и обдуманная реконструкция. Сам поэт в своей автобиографии «Я сам пишу»:

«Хоронь» считал программной вещью, вроде «Облака в штанах» для того времени. «Отграничение отвлеченных поэтических приемов (гиперболы, винтического самоничия) и изобретение приемов для обработки хроникального и агитационного материала».

Так все время Маяковский находился в движении, меняя правила, которыми руководствовалась в своей работе — новаторство определяло всю его поэтическую деятельность. И одновременно с этим он спокойно оговаривается: «Создание правил, — это не есть сама по себе цель поэзии, иначе поэт выродится в холостяка, управляющегося в составлении правил для несуществующих или неизуемых ве-шней и положений».

После этих слов всякие попытки любителей экспериментов ради эксперимента, охотников «попытаться» поэтическим словом, прикрыться именем Маяковского обречены на неудачу. Маяковский в своей работе над стихом в равной мере враждебен и формалистической «самодениности» и энгионской стертыости, беспличности, гладкости стиха. Поэт работает по правилам, которые выдвигаются жизнью, требованием борьбы за социализм. Как настоящий мастер, он в совершенстве владеет чувством целого. Поэтому он и говорит о «режиме экономии в искусстве». Чуждый бесцельному словесному щегольству, Маяковский, который умел так блестяще владеть поэтическим словом, пишет, «сделав основную работу, о которой я говорил вначале, многие эстетические места и вычурности надо сознательно притуплять для выигрыша блеска другими местами».

(Увы, многие наши поэты, «изобретатели» удачной рифмы или уникальной метафоры, никогда не решатся пожертвовать «во-ко» Надирот, «и» они жертвуют передко и смыслом, и цельностью произведения).

Целевое задание, основной замысел — вот что определяет все компоненты стиха у Маяковского. Вся вторая половина его стихов, посвященная разбору стихотворения «Сергей Есенин», показывает, сколько труда и вдохновения вложено в каждую строку, каждый образ, как тщательно отбирались слова и рифмы, какие изменения претерпели отдельные строки и выражения. Но все эти детали существуют только как части единого целого. Все течение, вся композиция стихотворения подчинена главной его мысли, выраженной в заключительных строках.

«На всем протяжении моей работы все-го стихотворения я все время думал об этих строках. Работая другие строки, я все время возвращался к этим — сознательно и бессознательно — типично-литературным намекам на интуицию, идеалистическое и подозрительное. В этих условиях самое появление такой статьи, как статья Маяковского, статьи чрезвычайно точной и ясной, чуждой какого бы то ни было упрощения и примитивизма, статьи, в которой творчество рассматривается как труд и труд как творчество, — не меняется, не меняется и придет, взятый поэтом.

Итак, Маяковский боролся одновременно и за новые принципы поэзии, и за новые типы поэта.

Одним из самых тяжелых ударов «жре-чуству», «шаманству», «картизму» была статья «Как делать синий».

Помимо чисто поэзинового интереса — «вгляды в творческую лабораторию гениального поэта», статья эта имеет еще один полемический элемент.

Майяковский пишет о поэзии как о «сознательном познавательном интересе — взглядах творческого лаборатории гениального поэта», статья чрезвычайно точной и ясной, чуждой какого бы то ни было упрощения и примитивизма, статьи, в которой творчество рассматривается как труд и труд как творчество.

И в последнем своем большом произведении «Все голоса» поэт уделил не сколько прелестных строк «кудроватым» и «мудриватным» мандолинщикам.

Майяковский, меняясь, называя «людинги», «программы», называя школы и группировок, но суть противника не меняется, не меняется и придет, взятый поэтом.

Однако поэзия Маяковского, по-одиному оставаясь «предположением — падмой» поэзии, в конечном счете, неизменно выдвигает передко и смыслом и цельностью произведения.

С точки зрения эстетической дело тут в том, что грубость служит Маяковскому лицом, на котором резче, яснее, доходчивее звучит основа его поэзии, — человеческое.

Говорю же по существу, дело в том, что только сломав условную возвышенность поэтического тела, не допуская ни грубых, ни слишком нежных — никаких «неподъемных» слов, — можно было создать поэзию человеческости.

Как бы ни «преодолевали символизм» ровесники Маяковского, по одному оставаясь неизменно — падмой поэзии:

«Полковник Кузьмин, ты писал о любви и красоте, о любви и красоте...»

А юноша Маяковский заявил как раз наоборот:

...мельчайшая пылинка живого
целое всего, что я делаю и сделал!

(Пушкин).

Чему учиться

Я для сердца,
в где у бестыльных сердца?

Александр РОММ

Маяковский настойчиво подчеркивал свою грубость. Не потому ли и другие, то возвращаясь к поэзии, то восхищаясь ею, так мало говорили об огромной лежности Маяковского?

Но без лености и грубоcти. Нежность Маяковского была так же несгораема, как и ее же, что писалось до него и вокруг него, как и грубоcть. Невозможно без супорту физической жажды в сердце читать глазами любими, омытыми от холода и несчастья («Хоронь»). И как-то даже певчий читать чуть подальше «чрезмерно уж простые» слова о том, как выхоженные теплом и лаской глаза снова открылись. Словно читая чужое.

Читать на себе давление буквально всех тяжелых поэтов, не исключая и близких друзей, поборников «самозваного слова». Маяковский яростно с презрением повторял: «Я вам не поэт! Так он приправил обличие в том, что его стихи — не поэзия. Тем хуже для поэзии. И — жизнь».

На деле жизнь была с ним, и поэзия тоже. Он отличал это понимал.

После Октября, освободившего от пародий цензуры, Маяковский со всеми своим размахом стал «цельными ушами» влезать в поэзию «грубые слова» нового, собственного рода. Это он делал опять сознательно и опять наименее болезненному большинству.

Балаганом —

помягкое слово,

куда изящней звучит —

«солонь»...

Кто же заметил лежность Маяковского, немыслим не как право на безответственное «отображение» претензионных поэзий. Маяковский не хотел говорить за все: но за своих он хотел сказать все. Его творчество полно чувства ответственности перед бесприютными в поэзии: перед худией, которая «мачта музыка перла», перед «ненормальной жизнью», которая «прокрадывается» улицами фонарных окон».

Но больше того: Маяковский неизменно хотел своими стихами помочь всем людям этой жизни, всем делам революции.

Это он, единственный пока в мировой поэзии, не побоялся дать широкий, обобщенный образ Ленина: поэзия и не погнувшись писать пресловутые рекламы, когда в борьбе советской торговли с частником решался ленинский вопрос «кто кого?». Многие поэты облизывали его за это презрение; но из них нашел другой способ участия в этой борьбе, определявший собой все.

Такую работу Маяковский считал своим правом и однозначно своей обязанностью.

Написав «Прощение на имя» химика будущего,

Кто же не заметил лежности Маяковского, немыслим не только для Брюсова или, скажем, А. Ахматовой, но даже и для Блока, потому что она прорывает своей безудержностью вслед за света старые и новые каноны красоты, — тот ничего не понял в Маяковском.

И познав только о том, как Маяковский писал о животных.

В эпилогической части поэмы

«150 000 000» он поэт громко потягнулся

и забыл вспомнить вечною память

В конце «Про это», в прогрессивном

«Прощении на имя» химика будущего:

«Созидала на него, жизнь требовала слова в его стихах, и он не искал

при的机会ы для выражения.

И он говорил в «лоб», прямо

и грубо, и громко.

Он знал своего врага, отрывался

и громко, и безжалостно.

Он знал своего врага, отрывался

и громко, и безжалостно.

Он знал своего врага, отрывался

и громко, и безжалостно.

Он знал своего врага, отрывался

и громко, и безжалостно.

Он знал своего врага, отрывался

и громко, и безжалостно.

Он знал своего врага, отрывался

и громко, и безжалостно.

Он знал своего врага, отрывался

и громко, и безжалостно.

Он знал своего врага, отрывался

и громко, и безжалостно.

Он знал своего врага, отрывался

и громко, и безжалостно.

Он знал своего врага, отрывался

и громко, и безжалостно.

Он знал своего врага, отрывался

и громко, и безжалостно.

Он знал своего врага, отрывался

и громко, и безжалостно.</

